

И эта же тема ясно просматривается в трактате «О человеке...»: «...то истинно, когда мысль, нами уловленная, мысль всю душу исполнившая, всю ее объемлющая, отторгает, так сказать, мысленность от телесности, тогда, забывая все чувствуемое, все зримое, забывая сам себя, человек несется в страну мысленную; время и пространство исчезают пред ним; он сокрушает все пределы и, занесшему погу в вечность вселенная уже тесна (II, 124).

Таким образом, проблематика трактата «О человеке...» связана как с предшествующим, так и с последующим периодами творчества Радищева и может быть понята в общем контексте тех философско-гносеологических вопросов, которые волновали писателя в течение всей его деятельности. Из них в трактате локализовался преимущественно один аспект: материальная природа человеческого сознания и его беспредельность, способность постигать время и пространство, тайнства природы, собственную человеческую сущность.

«Личный» тон повествования определяется прежде всего тем огромным эмоциональным напряжением, которое пронизывает любое рассуждение писателя, ибо в уяснении неких философско-гносеологических проблем скрыт внутренний драматический пафос решаемого Радищевым вопроса: смертен ли человек, или душа его неподвластна общему закону разрушения материи? Даже там, где Радищев, используя обширный круг источников, излагает те или иные философские и естественнонаучные теории, эмоциональная напряженность тона не пропадет, ибо всякий раз эти теории приходят в соприкосновение с собственной трагически обостренной мыслью Радищева, переключаются в область «сердечных», психологически окрашенных размышлений. Но по существу такова же была структура художественного сознания и в «Дневнике одной недели», и в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Поводом к тому, чтобы «обратить мысль на состояние человека, когда разрушится его состав, прервется жизнь и чувствование», оказывается в трактате разлука с друзьями: «В необходимости лишиться, может быть, навсегда надежды видеться с вами, я уловить хочу, пускай не ясность и не очевидность, но хотя правдоподобие, или же токмо единую возможность, что некогда, и где — не ведаю, облобызаю паки друзей моих, и скажу им (каким языком — теперь не понимаю): *люблю вас по прежнему!*» (II, 39).²⁴

²⁴ Ср. его «Эпитафию» жене:

О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить;
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни в тоске препровождая,